

№ 4119

ГОДЪ ИЗДАНИЯ ТРИНАДЦАТЫЙ

ВЪ ЭТОМЪ НОМЕРѢ 14 СТРАНИЦЪ

ПЯТНИЦА, 18 ФЕВРАЛЯ 1938

VENDREDI 18 FEVRIER 1938

А. РЕННИКОВЪ.

ЖИЗНЬ ИГРАЕТЪ. Романъ 20 фр.
 ЗЕЛЕННЫЕ ДЬЯВОЛЫ. Романъ 20 фр.
 КОМЕДИИ 25 фр.
 НЕЗВАННЫЕ ВАРЯГИ 20 фр.

●●●●

Книгоиздательство

ВОЗРОЖДЕНИЕ.

73, Av. des Champs Elysées,
 Paris (8).

ВОЗРОЖДЕНИЕ

ОРГАНЪ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ

Vozrojdenie — La Renaissance

Редакторъ: Ю. Ф. СЕМЕНОВЪ

Издается: ЛЕОС АЛЕКСАНДРОВЪ

ЦѢНА ЭТОГО НОМЕРА.

ВЪ АМЕРИКѢ 15 ЦЕНТОВЪ.
 ВЪ АНГЛИИ 7 ПЕНСОВЪ.
 ВЪ ГЕРМАНИИ 40 ПФЕННИГ.
 ВЪ ГРЕЦИИ 18 ДРАХМЪ.
 ВЪ ПОЛЬШѢ 65 ГРОШ.
 ВЪ РУМЫНИИ 20 ЛЕЙ.
 ВЪ ЧЕХОСЛОВАКИИ 3 КР.
 ВЪ ЮГОСЛАВИИ 5.50 ДИНАР.

КОНТОРА И РЕДАКЦІЯ ГАЗЕТЫ: 73, Avenue des Champs Elysées, Paris 8-ème, Métro: Marbeuf, George V; Tél.: Elysées 06-03 (ТРИ ЛИНИИ)

Условия

ПОДПИСКИ:

ВО ФРАНЦИИ:
 ЗА-ГРАНИЦЕЙ:

1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.	12 мѣс.
6 фр.	17 фр.	33 фр.	65 фр.
10 фр.	28 фр.	55 фр.	105 фр.
12 фр.	33 фр.	65 фр.	125 фр.

Подписка принимается въ конторѣ газеты, во всѣхъ почтовыхъ конторахъ Франціи — взносовъ на почтовый текущій счетъ газеты — COMPTES CHEQUES POSTAUX — LA RENAISSANCE, 781.81, PARIS, а также простыми почтовыми переводами или денежными письмами; за-границей — у мѣстныхъ представителей, адреса которыхъ объявляются въ газетѣ, а также почтовыми переводами или денежными письмами. Почтовые переводы и письма должны адресоваться исключительно: LA RENAISSANCE, 73, Avenue des Champs Elysées, Paris (8). Подписываться можно только съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Переменная адреса — 1 франкъ.

Иванъ Лукашъ Вырубленный садъ

Этюдъ

(Сцена изображаетъ свѣтлую залу съ громадными окнами, отъ которыхъ пролишно. Зала полна людей, знакомыхъ и незнакомыхъ. Всѣ необыкновенно свѣтлы.)

Самое удивительное, что черезъ залу какия то сквозными столбами свѣта проходятъ улицы, мосты, фонари, бѣгутъ паништы и пролетки; я понимаю, что это Васильевскій Островъ, весна, Петербургъ, что все это сонъ).

Любовь Андреевна (глядя въ окно, въ садъ): — Въ этой дѣтской я спала, глядя отсюда въ садъ, счастье просыпалось со мной каждое утро, и тогда я была точно такова, ничто не измѣнилось (убѣется отъ радости). Весь, весь бѣлый. О, садъ мой! После темной, ненастной осени и холодной зимы, опять ты молодъ, полонъ счастья, ангелы небесные не покинули тебя...

Трофимовъ: — Вся Россія нашъ садъ... Я (придурчиваясь, знаю, что это изъ Чеховскаго «Вишневаго Сада», только реплики перепутаны).

Трофимовъ: — Но мы остались по крайней мѣрѣ дѣть на дѣвѣ, у насъ вѣтъ еще ровно ничего, нѣтъ опредѣленнаго отношенія къ прошлому, мы только философствуемъ, жалеемъ на тоску и нѣмъ волю...

Я (не выдержавши, не выношу этого нашего тона; плаваю въ зрительной залѣ и смотрю въ темноту на освѣщенную сцену. «Это сонъ», убѣждаю я себя, я самъ говорю громко, возмущенно): — Вотъ именно, именно... Гасили души другъ другу безсильными, дурацкими нѣтъми — «отстали отъ Европы, куда намъ, ничего не можемъ»... Философствовали, жаловались на тоску, пили водку... А кругомъ насъ цвѣтъ нашъ живой, нашъ бѣлый садъ... Весь, весь бѣлый... Россія... И ангелы небесные не покидали ее.

(На освѣщенной сценѣ — никакого вниманія на меня. Тамъ открываются, затворяются выскія, бѣлыя двери. Какъ огромныя крылья. За ними звѣзды, небо, Небескіе сфинксы. Я понимаю — спутница, сонъ, а самъ кричу):

— А все же извольте выслушать же-

ня... Честь имѣю представиться: вашъ ближайшій потомокъ... Я читалъ о вашей жизни, я даже засталъ самый ея кончикъ въ Россіи... Какъ удивительно хорошо вы жили, какъ счастливо. Какой у васъ былъ театръ, музыка, искусство, какия книги. Какой счастливой была Россія... Боже мой, я какъ счастливый былъ вы. Свое небо кругомъ, свои глаза, люди, своя земля, свой благодѣтель... Вы были такъ счастливы, ваша жизнь была такъ полна, вамъ все давалось такъ легко, что вы пресытились, стали лѣнивыми. Самодовольные, самолюбивые, вы уже сами не знали чего хотѣли и были б своихъ несчастій, тоскѣ, неудовлетворенности, недовольствъ... Вы думали только о себѣ, о своихъ похотѣхъ и прихотѣхъ. Вы никого и ничего по настоящему не любили, кромѣ себя... И вы не любили нашего сада. Вы не выѣзжали, не заѣзжали въ какой садъ вы живете... Боже мой, одинъ Чеховъ убилъ, одинъ онъ изъ всѣхъ послѣднихъ писателей сказалъ прекрасныя, святыя слова о Россіи... Вся Россія нашъ садъ и ангелы небесные въ немъ... А вы въ уныніи, въ скукѣ, празности, бездѣлїи, пошлости, равнодушныи ко всему, вы равнодушно отдали Россію на потоптаніе, подъ топоръ... Боже мой, развѣ вы слышали ангельскій полетъ, шепель бѣлыхъ крыльевъ вокругъ васъ... Посмотрите же, что отлѣлалось съ нами, посмотрите... Если бы вы подумали когда вынуть что такое потеря рогины... Но смотрите, развѣ мы не умѣемъ, унываемъ (я стучу себѣ кулакомъ въ грудь). А вы бездѣлничали въ небесномъ саду и празники, уныли, протали Россію...

(Я чувствую, что моя тирала груба, нехороша, что меня легко могутъ принять за пьянаго, вынести, что будетъ скандалъ.)

Мой лобъ въ испаринѣ, руки дрожатъ, я озираюсь. Оказывается, я совершенно отиотъ въ громадной зрительной залѣ, во тьмѣ. Мой голосъ раскатывался гулко. Нѣтъ становится страшно, что я одинъ.

А на освѣщенной сценѣ идетъ какое то смутное арміе. Голоса актеровъ неслышны. Тамъ тысячи тысячъ актеровъ. Я слышу какъ бы смутный шумъ потока, смотрю

и понимаю, что происходитъ на сценѣ. Бѣлыя двери открываются, закрываются, за ними звѣзды, сфинксы, аптекарскіе урны — фонари зеленые, синіе, вишневые, какия свѣтились вечеромъ въ огняхъ петербургскихъ, аптекъ.

Это огни аптеки на Среднемъ проспектѣ. Идетъ свѣтъ, мѣтѣй, хлопьями, а выхожу его влажную свѣжесть. Боже мой, я въ Петербургѣ.

И это Средній проспектъ. Вотъ немецкая аптека, вотъ булочная съ золочеными кренделемъ, а дальше аптека. Отъ нея охотливый и вишневый огонь на свѣту. Мелкается въ воздухѣ сумеречный свѣтъ.

И я понимаю, что я прекрасный, — до всего чему суждено случиться съ Петербургомъ, Среднимъ проспектомъ, со мною. И это такъ хорошо, что я не знаю, что еще будетъ съ Россіей. На мнѣ и пальтишко прежнее, ни о чемъ не догадывающееся, — старый полушубокъ подростка на легкомъ бѣломъ барашкѣ.

Черный катафалкъ ѣдетъ рысью со Смоленскаго кладбища. Пустой, послѣ похоронъ. На катафалкѣ, подъ восьмью свѣтами, сидятъ фавельщики въ цилиндрѣхъ. На черныхъ цилиндрѣхъ горятъ свѣта. Страшно хорошо, что я снова вижу петербургскихъ фавельщиковъ.

По той сторонѣ проспекта есть книжная лавка, въ подвалѣ, но любимая моя книжная противъ церкви Андрея Первозваннаго, на Шестой линіи, недалеко отъ желтой Ларинской гимназій.

Та книжная лавка подъ трактиромъ, внизу. Трактиръ съ саломъ. Туда ведутъ лѣстница подъ стекляннымъ матовымъ навѣсомъ. А въ книжную лавку надо слезть какъ въ утиный погребъ. Шаткія деревянные ступеньки нѣжно скрипятъ.

Книжки продавала пожилая дама, очень тихая, въ орденбургскомъ платкѣ. Отъ книгъ и отъ дамы и отъ ея орденбургскаго платка, пахло сыростью, залежавшейся бумагой, чуть-чуть клеветоромъ, и еще чѣмъ то очень нѣжнымъ, робкимъ, убаюкивающимъ. Тѣмъ запахомъ долго держался въ «Мирѣ приключеній на сушѣ и на морѣ», который я покупалъ здѣсь... Боже мой, кто же не помнитъ книжную лавку, книгу, противъ Андрея Первозваннаго, въ нашемъ небесномъ саду?.. Боже мой, все вырвали, вырубали, вытоптали. Безсмысленно, — книжную лавку и булочную съ золочеными кренделемъ, вишневые и синіе огни аптекарскихъ урнъ, Средній проспектъ, Андрея Первозваннаго, — все вырубали).

Я (сжимая кулаки, стучу ногтями, кричу): — Вырубали... Вырубали!..

(И мнѣ становится стыдно, что я, одинъ, кричу лѣтъ, то, какъ сумасшедшій, а даже зашуриваю глаза отъ стыда и тогда отчетливо слышу голосъ):

Голосъ (съ крѣпкой принудой, съ крѣп-

кой умышленностью): — А улейки у васъ клянутъ?

(Я узнаю голосъ. Рядомъ со мною Чеховъ. Вотъ и показываніе его, «ахъ-ахъ». И не смѣю взглянуть. Молчу, зашуриваю. А въ головѣ восторгъ: ахъ въ 1899 году мнѣ въ 1900 году, когда мнѣ было лѣтъ семь-восемь, а могъ нагнѣть его живымъ въ Петербургѣ и онъ могъ выжить меня.)

Онъ ѣхалъ на дробежащей лавочничьей пролеткѣ. Валиха у него была, правда, жалкоглазый, беззаботный парнишка. Чеховъ былъ въ драповомъ пальто, свѣтло издрогивало цѣнска.

Онъ могъ выжить меня, мою сестру, въ вуалькѣ, — Моргушу, — какъ она перевозила меня черезъ улицу, — и все запомнилось ему о насъ, и какъ военный оркестръ гдѣ то игралъ, и что весной, дворники скалывали лодъ, слетали свѣтлыя вѣлки съ крыльями, изъ трубъ журчить вода. Какія чудесныя волосточныя трубы были въ Петербургѣ. Нигдѣ на свѣтѣ нѣтъ таинствъ).

Я (очень волнуясь): — Понимаю, вы нарочно объ улейкахъ, Антонъ Павловичъ, чтобы перебить тему... Но позвольте еще нѣсколько словъ... Вы двое изъ всѣхъ, Пушкинъ и вы, такъ любили Россію. Вы меня извините, вы, конечно, не претендуете, такъ сказать, на уровень Пушкина, но Толстой необыкновенно мудро сказалъ о васъ — «Чеховъ это Пушкинъ въ прозѣ»... Вы безъ умысла, безъ тѣни предвзятыхъ мыслей, схемъ, вы душой любите Россію... Вы самое нѣжное, сокровенное, самое прекрасное, святое услышали въ ней... Какъ никто другой... Боже мой, такъ и Пушкинъ не увидалъ ее... Вся бѣлая, бѣлая, Россія нашъ садъ, и ангелы въ немъ небесные... Я теперь понимаю, почему васъ любилъ читать государь... Говорили — онъ сѣрый и вы сѣрый. Нѣтъ. Государь такъ же любилъ Россію, какъ вы. И предугадывалъ, можетъ быть, искупительныя страданія за Россію, за сіяющей, бѣлой, ангельскій садъ... И я хочу вамъ сказать... Если бы вы написали тогда книгу. О Россіи. Гоголь — «Мертвыя души», Толстой — свѣтлый, но зажатый миръ «Войны и мира», а если бы вы оставили намъ книгу о Россіи, нашемъ садѣ... Мы бы поняли, увидѣли...

Тогда бы насъ, петербургскихъ подростковъ, не соблазнили освободительныя движенія, революція, — это типичная, эта лѣвая рубка нашего сада, какая началась... Мы поняли бы. Всѣ поняли бы. Другую бы душу вы въ насъ вдохнули... И не было бы того, что случилось... Но вы были послѣдній, одинъ вы были, кто такъ нежно — свѣтло любилъ Россію. И вы не дожидали... Когда васъ привели въ утерченномъ загономъ, уже всѣ, кто-то что горько, рубили Россію. Съ плеча, съ гонимыхъ,

Нечего было томъ же Мерзляковскому сваливать все на прудукаго хама. Для хама всѣ сами старались. Валили, роняли, съ восторгомъ, въ изступленіи. Всѣ эти прославленные послѣ васъ могучіе писатели. Всѣ эти университетскіе ученые и профессора, знаменитые и беззнаменитые художники, актеры, пѣвцы, и военные и священники... О, всѣ, всѣ, — Лопатины, — будто бы добродушные и прекраснотупые, — всѣ, тупо, сапожовольно, рубили Россію. Большевики, самый хамъ, его уже послѣдній росчеркъ пера...

Голосъ (перебивая меня, съ пріятнымъ свѣхомъ): — Но какъ же намъ быть съ улейкой?

(Я вижу, мы идемъ по Тучкову мосту въ Петровскій паркъ. На набережной, у Маріи Магдалины, барки съ свѣтомъ. Мягко трясется подъ колесами лодовыи, деревянные настилы моста. Въ синемъ небѣ, надъ Невкой, одно бѣлое облачко. Это лѣто, паденье, и вотъ-вотъ съ Петропавловскихъ верховъ свѣжо бутнеть и выпаднеть такое же бѣлое облачко, поминанная пушка... Садъ нашъ. Вся Россія нашъ садъ. Вытоптаны, вырублены, все, до тѣхъ, и подвешеную пушку, и Марію Магдалину... Деревянные настилы моста трясутся, я не хочу, я боюсь проснуться и потому отыкаю торжественно):

Я: — Улейка, Антонъ Павловичъ, это на прудахъ, въ Петровскомъ паркѣ. Тамъ у насъ шхунка есть. А на Малой Невкѣ мы съ отцомъ плыли лодкомъ, со шхункой, на блесну...

Голосъ: — Скажите, пожалуйста, на блесну, это любовно... И шхунка есть?

Я: — Конечно...

Я знаю, надо сказать ему о вырубленномъ садѣ, что не услышали его небеснаго окровавленія, о томъ, что стало съ всѣми нами, съ Россіей, — а вижу алчный перевозъ въ Петровскомъ паркѣ и радости охватываетъ меня, — вотъ, я наша шхунка у перевоза, цѣль въ водѣ.

Дрожатъ мостки, жидкія, въ дѣхъ доски, а на плоту, гдѣ зеленая, потертая бушма клнчелка, зеленые столбы въ водѣ доходятъ такъ же криво и нѣжно, какъ въ японской гравюрѣ.

Мѣдныя блестящія улейкины, съ загнутыми краями, мы приносили съ собой. На веслахъ, отъ улейкины, какъ то лѣзно, до блеска стиралась свѣтло-желтая, горячая кожа...

Я понимаю, сонъ уходитъ, уже не сонъ, вижу, а только думаю о немъ, о мѣднѣхъ улейкиныхъ, Петровскомъ паркѣ, жидкихъ, Чеховѣ.

И уже не договариваюсь съ нимъ, тѣмъ, и не договариваюсь о Россіи... Вся Россія нашъ садъ... Весь, весь, бѣлый. И ангелы небесные въ немъ...

Иванъ Лукашъ